
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Р. Н. Пархоменко

Ю. ХАБЕРМАС О СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса, давно ставшая предметом философских дискуссий на Западе, в этой статье рассматривается в сравнении с либеральной и республиканскими моделями государственного устройства. По мнению Хабермаса, политическая публичная сфера развитого демократического государства должна проводить принципы отделения правящего государства от экономического общества, свободы печати и обмена информацией. Все эти три элемента: равные права на свободу, демократическое участие и управление с использованием общественного мнения «сливаются» в один проект, однако, при различных традициях они упорядочиваются всякий раз по-разному и с разными акцентами: либеральная традиция обнаруживает предпочтение к свободам граждан общества, а республиканская и делиберативная традиции, соответственно, подчеркивают участие активных граждан в демократическом волеизъявлении или формирование наиболее рациональных общественных мнений. В статье показаны некоторые слабые места теории демократии, которую в своих поздних работах развивает Хабермас, в частности, подвергается критике его знаменитая теория «рационально мотивированного согласия» индивидов в обществе.
Ключевые слова: Хабермас, демократия, либерализм, республиканство, общество, человек, право, власть, поведение, свобода.

Развивая свою концепцию «делиберативной демократии», Ю. Хабермас сравнивает её с либеральной и республиканскими моделями государственного устройства. При этом он подчёркивает, что институциональные рамки всех концепций современных теорий демократического устройства предполагают три следующих базовых принципа: принципа частной автономии граждан государства, принципа демократического гражданства в обществе, и, наконец, принцип независимой политической публичности. Под принципом частной автономии граждан понимается право граждан определять и вести свою жизнь таким образом, который является для граждан общества наиболее приемлемым. Демократическое гражданство предполагает равномерное участие всех индивидов в политической жизни общества, тогда как принцип независимой политической публичности способствует объединению государства и гражданского общества в результате свободного волеизъявления индивидов.

В демократических правовых государствах конституция гарантирует гражданам основные свободы, доступ к независимым судам, а также

разделение властей на законодательную, судебную и исполнительную. По конституции демократических государств граждане имеют равные права на создание разнообразных ассоциаций, участие в выборах и проведение референдумов. При этом должен быть соблюден принцип конкуренции между партиями и ассоциациями, а также соблюдение принципа большинства при принятии решений, обязательных для всех членов общества. По мнению Хабермаса, политическая публичная сфера развитого демократического государства должна проводить принципы отделения правящего государства от экономического общества, свободы печати и обмена информацией. Все эти три элемента: равные права на свободу, демократическое участие и управление с использованием общественного мнения «сливаются» в один проект, однако, «при различных традициях они упорядочиваются всякий раз по-разному и с разными акцентами: так, либеральная традиция обнаруживает предпочтение к свободам граждан общества, а республиканская и делиберативная традиции, соответственно, подчеркивают участие активных граждан в демократическом волеизъявлении или

формирование наивозможно рациональных общественных мнений»¹.

Либерализм, зародившийся в англо-американской духовной традиции, склонен преувеличивать роль негативных прав на свободу индивида, отсюда и проистекает пресловутый «западный индивидуализм», который столь негативно оценивается как у нас в стране, так и в Германии. Вся правовая мощь государства в этом случае поставлена на защиту личных планов индивида. Хабермас подчеркивает, что подобное инструменталистское понимание демократии входит в резкое противоречие с «республиканским» пониманием демократии. «Республиканская традиция, которая была воспринята от гуманизма Ренессанса и через Джеймса Харрингтона оказала влияние на американскую революцию, но прежде всего через Руссо — на французскую, сосредотачивается на втором элементе, а именно на обновлении обобщенных политических «свобод древних» в современных жизненных условиях функционально обособившегося общества. Интуиция, управляющая таким мышлением, находит свое выражение в принципе суверенитета народа [курсив мой — Р.П.]»². Таким образом, в республиканской традиции акцент делается на первичности интересов целостного общественного организма, а не на подчеркивании ценности автономии индивида, как это происходит в «классической» англо-американской либеральной традиции. В республиканской традиции гражданин ориентирован на достижение общественного блага, он не имеет статус «потребителя» государственных и частных услуг. Можно сказать, что здесь возникает специфически философская проблема при рассмотрении таких политических категорий, как «право» и «демократия». Проблема состоит в соотношении между коллективным демократическим волеизъявлением в государстве и индивидуальными правами и свободами каждой отдельной личности³.

Рассуждая о таком важном принципе демократических обществ как свобода волеизъявления и выражения собственного мнения, Хабермас критикует как либеральную, так и республиканскую модели демократического государственного устройства.

В республиканской модели ценность демократического процесса усматривается в «экспрессивном волеизъявлении», а в либеральной модели свобода слова призвана соединять политику правительства с частными интересами индивидов. Делиберативная модель демократии, апологетом которой последовательно выступает Юрген Хабермас⁴, не приемлет «формальный» процесс проведения политических дискуссий либерализма и республиканства и стремится к рационализации подобных процессов с целью улучшения качества принятых решений: «[...] делиберативная модель опирается, скорее, на разумность дискурсов и переговоров, чем на честную направленность мотивов, ориентированных на успех и принимающих решение индивидов или на аутентичный характер общей воли нации. Объединенные интересы граждан общества или коллективный этос граждан государства сменяются здесь кооперативными поисками совместного решения проблем. Процедура и коммуникативные предпосылки демократического формирования мнения и волеизъявления функционируют как важнейшие шлюзы для дискурсивной рационализации решений правительства и органов управления»⁵.

Все это позволяет говорить о том, что либеральная модель демократии исходит из идеи правового государства и всё свое внимание сосредоточивает на правовой институализации свобод каждого отдельного индивида общества. Экономическая теория демократии трактует политический процесс как конкуренцию партий за рациональный экономический интерес индивидов. Для республиканской же модели важна идея народного суверенитета и гражданский этос. Все эти три модели современной демократии, по мнению Хабермаса, не лишены недостатков — они упрощают и не учитывают всю сложность и комплексность проблем в современном обществе. Лишь делиберативная модель в состоянии комплексно рассмотреть и оценить предпочтения и интересы как групп граждан, так и отдельных индивидов, а также вопросы коллективного самоопределения индивидов в государстве.

Хабермас подробно разъясняет понятие «эпистемического процедурализма» в делиберативной

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. С. 381–401.

² Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. С. 115.

³ Ср.: Rahm C. Recht und Demokratie bei Juergen Habermas und Ronald Dworkin. Frankfurt a. M., 2005. S. 14.

⁴ Об этом см. подробнее мою статью: Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4 (52).

⁵ Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. С. 116.

политике. Модель делиберативной политики исходит из того, что политическое формирование воли в государстве достигается путем дискурсивного формирования общественного мнения. Вообще, понятие дискурса является одним из центральных в работах Хабермаса. Что здесь имеется в виду? Хабермас говорит, что в соответствии с дискурсивным формированием общественного мнения мы приписываем демократическому процессу когнитивную функцию в той мере, в какой он «будучи рассмотренным в общем и целом, удовлетворяет следующим условиям: во-первых, гарантирует инклюзию всех им затронутых, прозрачность обсуждений и равные шансы на участие, а также, во-вторых, обосновывает предположение о рациональных результатах»¹.

Сегодня мы находимся в такой ситуации, когда все возрастающая сложность общественных систем и подсистем, лавинообразное увеличение различных картин мира и жизненных установок требует соответствующих регулирующих институтов, на создание которых и претендует современная политика. Такое принципиальное усложнение общественной ситуации повышает ценность общественных дискуссий, бесед и переговоров, т.е. возрастает роль коммуникации между различным слоями и группами в обществе для проведения эффективной политики принятия решений и управления государством. Современное «медийное общество» (Д. Белл) способствует возникновению т.н. информационной экономики, ускорению и уплотнению коммуникационных потоков, что, в свою очередь, ведет уже к революционным преобразованиям в самих коммуникативных технологиях. Подобное уплотнение информационных потоков, не устраняет, однако, «цифровой водораздел» между различными группами людей. Ведь на вовлеченность в современные коммуникативные процессы влияют степень образованности, доход, социальные позиции индивидов.

Абстрактную пространственную структуру публичности Хабермас понимает как расширение социальных пространств, произведенное простыми интеракциями между присутствующими. Растущая роль интернета в мире коммуникации ведет, скорее, к фрагментированию групп людей, сосредоточенных на решении одинаковых задач: «Эта публика распадается в виртуальном пространстве на колоссальное количество раздробленных, удерживаемых специальными интересами случайных групп. Таким способом имеющиеся национальные публичные

сферы, видимо, скорее будут подорваны»². В национальных обществах политическая коммуникация проходит по трем каналам: дебаты в политических партиях — «институционализированные дискурсы»; коммуникация в и с помощью средств массовой информации; повседневная коммуникация граждан. Политическая публичная сфера при этом выступает как промежуточная система коммуникации между государственными чиновниками и простыми гражданами, не занимающимися профессиональной политикой и государственной деятельностью.

Хабермас подчеркивает, что только с помощью доведенного до конца процесса легитимации «обсуждение» (Deliberation) и может выполнять свою фильтрующую функцию по рационализации хаотичных потоков формирования политического общественного мнения. Задачей делиберативной модели политики является обоснование того, что в процессе политических дискуссий были задействованы релевантные постановки вопросов, максимально точно и непредвзято обрисовывающие состояние вещей. Также необходима проверка и серьезная оценка возможных альтернатив. В итоге дискуссий должны победить рационально мотивированные позиции, направленные на процедурно правильные решения. Политическая элита в обществе должна заниматься отслеживанием настроений в обществе и возвращать их в переработанном отрефлектированном виде своим избирателям. Политическая элита в демократическом обществе должна ставить «релевантные темы и подходящие начинания на повестку дня государственных институтов, а также наблюдать за самими институционализированными консультативными процессами и процессами принятия решений и комментировать их. Из этого коммуникативного круговорота между центром и периферией должны возникать отрефлектированные общественные мнения — как собственные продукты публичной сферы»³. Хабермас убежден в том, что в крупных национальных обществах политическая публичная сфера вполне в состоянии генерировать подобные отрефлектированные общественные мнения, что и является доказательством продуктивности и жизнеспособности его теории модели делиберативной демократии.

Необходимо заметить, что Хабермас определяет понятие публичной сферы, равно как и понятие политического не из него самого, а при помощи обращения к рационалистической традиции ди-

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 135.

¹ Там же. С. 119.

скурса. Понятие свободы рассматривается у него в соотнесении с идеей народного суверенитета, а детально обосновывается в его теории дискурса и делиберативной демократии. Понятие народного суверенитета означает не что иное, как такое состояние права в государстве, когда на место модели договора между индивидами ставится процесс открытых дискуссий участников коммуникации.

Таким образом, реформирование общественного мнения происходит не в форме компромисса, но в виде открытой публичной дискуссии, направленной на «рациональную приемлемость правил в свете общих интересов и ценностных ориентаций. Субъекты права — это не собственники самих себя и не солидарные частицы целого — народа, а индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга, что и обеспечивает социальную интеграцию автономных индивидов»¹. Говоря о личной свободе индивида, Хабермас имеет в виду не только достижение консенсуса между различными интересами, но и соотнесение между собой дискурса этического самопонимания и юридической справедливости.

Хабермаса занимает и вопрос о культурном влиянии национальной идентичности на развитие государств. Первоначальные идеи на эту тему были высказаны им в эссе «Гражданство и национальная идентичность», опубликованном в 1990 г. отдельной книгой; позже эта небольшая работа была включена в состав книги «Фактичность и значимость». В более позднем труде «Вовлечение другого» вся третья часть книги посвящена рассмотрению вопроса о том, «есть ли будущее у национального государства?».

Философ отмечает, что зачастую идеализируемое или же превратно истолковываемое понятие «нации» дает предостаточно поводов для самых различных спорных утверждений. С помощью понятия нации его приверженцы апеллируют то к «мнимому» праву на национальное самоопределение, то сталкивают позиции мультикультурности и политики прав человека, или же начинают относиться с подозрением к передаче суверенных прав «сверхнациональным учреждениям». «Апологеты этнической нации не сознают, что именно впечатляющие исторические завоевания демократического национального государства и республиканские принципы его устройства могут поучить нас тому, как следует подходить к актуальным проблемам неизбежного перехода к постнациональным формам обществен-

ной организации»². Поэтому Хабермас и пытается разобраться в таком щепетильном вопросе, как нация и национальное самосознание с предельной осторожностью и тщательностью.

По его глубокому убеждению, исчезновение «семантической связи между [понятиями] гражданства и национальной идентичности отражает тот факт, что сегодня, с превращением Европейского сообщества в политический союз, постепенно исчезает и классическая форма национального государства»³. По мнению Хабермаса, ход истории Европы приводит в эпоху Нового времени к тому, что ставится под вопрос такая форма существования государств, как империя — Римская, Османская или Российская. Появляется и постепенно набирает силу новая форма организации государств — федерация — в Швейцарии федеративное государственное устройство помогает избавиться от различного рода межэтнических конфликтов.

Однако наибольшее значение в Европе в то время получает все же третья форма государственного устройства — централизованное территориальное государство — как в Португалии, Испании, Франции, Англии, Швеции. Изначально такая форма возникает из королевств, демократизируемых по французскому образцу. Именно этот вид государственного устройства и создал те рамочные условия, когда капиталистическая форма хозяйствования доказала свою наибольшую эффективность и поэтому получила широкое распространение по всему миру.

В классической политологии, отмечает Хабермас, понятие народа и этноса были четко отграничены друг от друга: народ обладает общественным мнением и способностью к рациональному волеизъявлению, этнос же есть исторические дополитическая форма сообщества индивидов, в основе которой лежат принципы кровного родства. Этнические общности «старше наций, которые, хотя и базируются на неких натуралистических мифах, являются искусственными образованиями. [...] Инфляция национального [...] приводит к эскалации этнического. Этнологическое понятие нации призвано реанимировать «чувство-мы» на более широкой, нежели кровно-родственная, основе»⁴.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 49.

³ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 211.

⁴ Марков Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 27–28.

¹ Марков Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 30.

Хабермас отмечает, что именно национальное государство сформировало «инфраструктуру для управления, воспитанного в духе правового государства, и предоставило гарантии существования определенного пространства индивидуальной и коллективной деятельности, свободного от государственного вмешательства [...] и создало основу для формирования культурной и этнической гомогенности, благодаря которой с конца XVIII в. смогла осуществиться демократизация государственной системы — хотя, конечно, ценой подавления и изоляции национальных меньшинств. Национальное государство и демократия — близнецы, порожденные французской революцией. В культурном плане они стоят в тени национализма»¹. Такое национальное самосознание является специфическим способом культурной интеграции народов в Европе, характерным для эпохи Нового времени.

Основные массы населения в ходе этой культурной интеграции оказываются «вырванными» из своих традиционных сословных связей — отныне главную роль начинают играть процессы экономической и социальной модернизации и мобильности населения. Таким образом, полагает Хабермас, мы приходим к тому, что население национального государства оказывается и мобилизовано, и разобщено одновременно.

Национализм являет собой не что иное, как определенный вид сознания людей, возникший в процессе «фильтрации» истории государства и рефлексивного усвоения культурных традиций данного народа. Носителями национального самосознания являются образованные слои населения, а идеология национализма распространяется посредством литературы и публицистики. Такого рода каналы распространения идей национализма с помощью средств современной массовой коммуникации делают идеологию национализма уязвимой в отношении разного рода манипуляций и злоупотреблений.

Исторически национализм и национальное государство берут свое начало в понятии «нации». Так, у римлян «Natio» было именем богини рождения. Это понятие означало цивилизованный политической союз в противоположность варварским языческим народностям. Во времена Французской революции нация граждан обретает свою идентичность не в «этнически-культурных

сходствах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию. Здесь республиканская компонента [идеи] гражданства полностью освобождается от принадлежности к дополитическому сообществу, интегрированному через происхождение, общие традиции и язык. Рассмотренный в этой перспективе первоначальный сплав национального сознания и республиканских убеждений оказывается выполняющим лишь функцию катализатора»².

Хабермас подчеркивает, что на возникновение национализма повлияли как историзм, так и идеи романтизма. Постепенно национализм встает на место естественной унаследованной национальности и становится искусственным конструктом — особой формой духа.

Современные мультикультурные общества — такие, как Швейцария или США являют нам пример того, что политические принципы построения государственной целостности не обязательно должны основываться на общем для всех граждан этическом или языковом фундаменте: «Либеральная политическая культура образуют лишь общий знаменатель конституционного патриотизма, который одновременно обостряет ощущение многообразия и неприкосновенности различных форм жизни, сосуществующих в мультикультурном обществе»³. Именно такая модель, по мысли Хабермаса, и должна быть принята в качестве основы для строящегося Европейского Сообщества. Итак, Хабермас твердо убежден в том, что идеи демократического гражданства носят универсальный и наднациональный характер.

Национализм в Европе в эпоху Нового времени способствовал как возникновению современной политической карты Европы, так и распространению формы капиталистического хозяйствования по всему миру. Рассматривая процесс создания объединенного Европейского сообщества, в качестве основной политической проблемы для граждан ЕС Хабермас называет увеличение разрыва между «вовлеченностью» и «участием»: «Все возрастающее число мер, решения о которых принимаются на наднациональном уровне, вовлекает в свою орбиту все большее число граждан во все более широких жизненных сферах. Но поскольку роль гражданина эффективно институционализована только в пределах национальных государств, граждане лишены всяких реальных возможностей

¹ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 223.

тематизировать всеевропейские решения и оказывать на них влияние»¹.

Либеральные права генетически возникли из общественного положения частного собственника, а функционально либеральные права — это институализация рыночной системы, нормативно они гарантируют справедливое компенсаторное распределение общественного богатства. Поэтому либеральная основа Европейского Сообщества как надгосударственного единства должна смягчить неизбежные трения между отдельными государствами, входящими в это сообщество.

Интересно, что Хабермас даже сравнивает систему Европейского сообщества с великими империями, имевшими только один шанс появиться и затем навсегда исчезнуть на мировой арене. В качестве исключения из этого сформулированного им самим правила, он полагает, что современная Европа получила сегодня второй такой шанс². С тем однако отличием, что этот шанс может быть реализован, если только европейские политики откажутся от проведения привычной силовой политики и будут учитывать изменившиеся условия, диктующие достижения не-имперского взаимопонимания с другими народами и культурами.

Как ясно явствует из всего вышесказанного — и я повторяю в этом моменте — Хабермас однозначно выступает за *универсалистское* понимание либеральных принципов. По его мнению, идентичность политической общности, держится, прежде всего, на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически-культурной форме жизни в целом»³. Политическая практика демократического государства не допускает существование какой-либо привилегированной культурной формы жизни в государстве. Хабермас подчеркивает, что процессы глобализации в современном мире меняют сами легитимационные основы национального государства классического типа: «На наших глазах возникает высокозависимое мировое общество, функциональные системы которого беспрепятственно проникают через национальные границы. Растущей потребности в координации и регулировании должна удовлетворять растущая сеть международных организаций. Здесь принимаются политические решения, которые из-за своего характера, глубины вмешательства и постоянства имеют слишком большое значение для

населения участвующих национальных государств, чтобы легитимационной основы международных договоров еще могло бы быть достаточно для подобного «управления по ту сторону национального государства»; эта основа в любом случае больше не удовлетворяет критериям, привычным для демократических конституционных государств»⁴.

Сегодня часто заходит речь о так называемой глобальной публичной сфере, когда определенное событие привлекает к себе внимание средств массовой информации всего мира. Однако подобного рода наблюдение и комментирование событий никак не сопоставимы с процессом транснационального принятия политических решений. Хабермас даже говорит о «дефиците демократии» в странах Европейского союза, когда граждане не имеют прямого влияния на процесс принятия решений в Европарламенте. На сегодня в ЕС нет общеевропейской публичной сферы, а Европарламент при постановке вопросов и при принятии решений руководствуется не общеевропейскими, а национальными приоритетами.

Рассуждая о постнациональной демократии, Хабермас сегодня выделяет четыре следующих похода к этому вопросу: евроскептиков, еврорыночников, еврофедералистов и сторонников некоего «global governance». Из этих терминов несложно распознать умонастроения, господствующие в ЕС. Скептики против политики объединенной Европы, рыночники довольствуются лишь принципами экономической солидарности, а федералисты не против объединенного общеевропейского правительства, наделенного собственной легитимационной основой. И, наконец, «космополиты» или приверженцы теории «global governance» рассматривают союзное государство Европу в качестве исходного базиса для учреждения, основанного на международных договорах режима будущей «мировой внутренней политики».

Координационные проблемы, которых более чем достаточно на внутриевропейском уровне, еще более обостряются, если мы выходим на уровень глобальной мировой политики. И если, вопросы, связанные с регулированием экологии на мировом уровне, привели к созданию специальных организаций, выполняющих регулятивные функции, то для глобальных решений, которые не требуют

¹ Там же. С. 227.

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 243.

⁴ Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. С. 153.

позитивной координации действий различных правительств, «барьеры (пока) слишком высоки». «Регулирование мирового сообщества до сих пор не приняло облика даже примерного проекта, проекта, разъясненного на примерах. Первые адресаты такого проекта — не правительства, а граждане и гражданские движения. Но социальные движения кристаллизуются лишь в тех случаях, если для разрешения конфликтов, ощущающихся как бесперспективные, открываются нормативно удовлетворительные перспективы»¹.

А формулировкой того или иного социального проекта должны заниматься политические партии, работающие напрямую с широкими слоями населения. Причем национальные партии должны действовать и предвосхищать события не только в рамках национального пространства, они обязаны учитывать и задумываться и об общеевропейском пространстве действий. А такое пристальное внимание к проблемам общеевропейского пространства должен вести европейских политиков к цели создания общего социума Европы, способного оказывать достойное влияние на глобальном мировом рынке.

Необходимо заметить, что концепция делиберативной демократии Хабермаса неоднократно подвергалась критике со стороны его коллег. Обычно приводится аргумент о том, что демократические процедуры в государстве базируются не на «рационально мотивированном» согласии индивидов государства, а, как правило, решающую роль при принятии демократических решений играет принцип принятия решений большинством².

Исходя из всего вышеизложенного, нетрудно заметить, что Хабермас в своем обосновании демократических принципов придерживается принципа автономии права как важнейшего принципа, лежащего в основе демократических государств. Также можно отметить, что Хабермас представляет нормативную концепцию демократии и права — он постоянно подчеркивает тот момент, что действитель-

ность теоретических и практических высказываний зависит от рационально мотивированного согласия в обществе. В своих работах Хабермас выступает за репрезентативную законодательную деятельность и исходит при этом из того, что лишь в этом случае нам ясны основания законопроектов, дебатированных в обществе.

Не обходит своим вниманием Хабермас и культуру: по его мнению, демократическое самоопределение может иметь место лишь в том случае, если «народ государства преобразуется в нацию граждан, которые самостоятельно распоряжаются своими судьбами. Однако же политическая мобилизация «подданных» требует и *культурной интеграции* населения, поначалу наскоро собранного. Именно это пожелание и выполняет идея *нации*, с помощью которой подданные государства — выходя за рамки наследственной лояльности по отношению к деревне и семье, к местности и династии — образуют новую форму коллективной идентичности»³. Только культурные символы и символическое построение «народа» и делает абстрактное или же аморфное определение государства именно *национальным* государством.

В заключение можно отметить, что в целом принципы дискурсивной демократии обоснованы Хабермасом достаточно детально. Однако это обоснование во многом опирается на твердое убеждение в том, что люди с необходимостью являются рациональными существами, в основе поведения которых лежит рациональное общение с помощью языка. Как справедливо отмечает в этой связи К. Рам⁴, Хабермас разрабатывает теоретически ошибочную концепцию автономии личности, поскольку он сводит идею индивидуальной автономии к ценности лишь свободы коммуникации и способности индивида соглашаться или же не соглашаться с определенными высказываниями или позициями. А структура общественной жизни, как известно, намного богаче и сложнее.

Список литературы:

1. Марков Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008.
2. Пархоменко Р. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4 (52).
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.

¹ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 340.

² Ср.: Rahm C. Recht und Demokratie bei Juergen Habermas und Ronald Dworkin. Frankfurt a. M., 2005. S. 33.

³ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 277.

⁴ Ср.: Rahm C. Recht und Demokratie bei Juergen Habermas und Ronald Dworkin. Frankfurt a. M., 2005. S. 97.

4. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
5. Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006.
7. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М., 2011.
8. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
9. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.
10. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
11. Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt a.M., 1990.
12. Rahm C. Recht und Demokratie bei Juergen Habermas und Ronald Dworkin. Frankfurt a.M., 2005.

References (transliteration):

1. Markov B. V poiskakh drugogo // Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii. SPb., 2008.
2. Parkhomenko R. Teoriya deliberativnoi demokratii Yu. Khabermasa // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 4 (52).
3. Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii. SPb.: Nauka, 2008.
4. Khabermas Yu. Grazhdanstvo i natsional'naya identichnost' // Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. M., 1995.
5. Khabermas Yu. Imeet li demokratiya eshche i epistemicheskoe izmerenie? Empiricheskoe issledovanie i normativnaya teoriya // Khabermas Yu. Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya, XI. M.: Ves' mir, 2012.
6. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. SPb., 2006.
7. Khabermas Yu. Ot kartin mira k zhiznennomu miru. M., 2011.
8. Khabermas Yu. Postnatsional'naya konstellyatsiya i budushchee demokratii // Khabermas Yu. Politicheskie raboty. M., 2005.
9. Khabermas Yu. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma. M., 2010.
10. Khabermas Yu. Raskoloty Zapad. M., 2008.
11. Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt a.M., 1990.
12. Rahm C. Recht und Demokratie bei Juergen Habermas und Ronald Dworkin. Frankfurt a.M., 2005.